

В. А. Шнирельман

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И ПЕРЕХОД
К ПРОИЗВОДЯЩЕМУ ХОЗЯЙСТВУ
(по материалам Африки и Азии)**

Недавно группой советских исследователей была сделана небезуспешная попытка выявить специфику этнокультурных контактов между обществами, стоявшими на разных уровнях развития, и показать роль этих контактов в мировой истории¹. Особое внимание обращалось на особенности взаимоотношений классовых обществ с их первобытной периферией, что не позволило проанализировать другую не менее важную проблему — проблему более ранних контактов.

Цель данной статьи — хотя бы частично заполнить эту лакуну, рассмотрев этнокультурные связи на ином, типологически более раннем историческом срезе. Ее задачей является анализ контактов между охотниками и собирателями, с одной стороны, и земледельцами и скотоводами — с другой. Значение подобного рода исследования определяется тем, что оно выполняет важную источниковедческую задачу, устанавливая степень и направленность модификации охотничье-собирательских обществ в условиях соседства с ранними земледельцами и скотоводами, тем самым помогая реконструировать существенные аспекты их изначальной культуры.

В данной статье рассматриваются лишь этнографические примеры таких контактов, которые фиксировались специалистами в XIX—XX вв. Следовательно, эти контакты происходили в современную эпоху и в своей конкретной форме не избежали того или иного влияния со стороны определенного рода современных процессов. Однако, как известно, внешняя форма явления вовсе не тождественна его внутренней глубинной сущности. С этой точки зрения саму структуру контактов и их принципиальные механизмы было бы неверным смешивать с их наружными проявлениями. Ведь первые детерминировались самой сущностью изучаемых обществ, которые, как и древние первобытные общества, относились к первобытнообщинной формации, а облик вторых определялся самыми разными, в том числе и внешними факторами. Тем самым анализ рассматриваемых контактов представляется важным не только для изучения современных процессов в странах третьего мира, но до определенной степени и для реконструкции некоторых аспектов этнических взаимоотношений в глубокой древности. Справедливость такого подхода подтверждается хотя бы тем, что полученные здесь выводы хорошо увязываются с археологическими данными о безусловно первобытных обществах. Здесь не место касаться археологических материалов, рассмотрение которых имеет свою специфику. Это будет сделано в другой работе.

Контакты между обществами с присваивающим и производящим хозяйствами — это контакты между двумя принципиально различными структурами². Для первых были характерны высокая мобильность и соответствующая ей бедность материальной культуры, значительная гибкость общественной структуры и большая роль широких социальных

¹ Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М.: Наука, 1978.

² Под обществами с присваивающим хозяйством здесь имеются в виду лишь группы низших охотников и собирателей. У высших охотников и собирателей встречается иная картина, которая здесь не рассматривается.

связей, преобладание концепции горизонтального родства и отсутствие сколько-нибудь развитых институтов формальной власти, анимистические формы религиозных представлений и система ценностей, основанная на всеобщем равенстве и коллективном распределении продуктов труда. Напротив, степень мобильности вторых была значительно меньше (она оставалась относительно высокой лишь у некоторых скотоводов), их материальная культура отличалась большим богатством, что в известной мере вызывалось углублением процессов трудовой специализации и становлением ремесла. Общественная структура ранних земледельцев и скотоводов в связи с развитием у них позднеродовой организации постепенно теряла прежнюю гибкость, роль широких внешних контактов падала за счет возрастания внутренней консолидации, центральной становилась концепция вертикального родства, совершенствовалась система власти, основные черты религии определялись культом предков, а в системе ценностей основное место постепенно стали занимать понятия, порожденные становлением частной собственности. Изучение взаимоотношений между столь различными структурами вызывает особый интерес и потому, что оно помогает вскрыть важнейшие культурные механизмы, связанные, с одной стороны, с особенностями сохранения прежних традиций в изменяющихся условиях среды, а с другой — с восприятием инноваций и характером их усвоения.

Отношения охотников и собирателей с земледельцами и скотоводами повсюду принимали прежде всего форму обмена продуктами труда. Носители присваивающего хозяйства поставляли мясо добытых животных, плоды дикой природы и некоторые виды сырья для производства, их более развитые соседи — сельскохозяйственную продукцию, главным образом земледельческую, и ремесленные изделия (железные, керамические и др.). На этой основе и осуществлялись взаимные влияния контактировавших обществ. Для установления конкретной картины рассмотрим несколько примеров.

Пигмей-мбути района р. Итури (Заир) постоянно снабжали своих соседей-земледельцев (носителей центрально- и восточносуданских языков и языков банту) мясом и другими продуктами леса, а иногда помогали им и в обработке полей. За это они получали по мере надобности приют и необходимую земледельческую продукцию. В условиях тесных взаимоотношений, установившихся между партнерами, шел интенсивный культурный обмен, причем пигмеи, будучи более отсталыми, в большей мере заимствовали элементы культуры у соседей, чем те у них. Многие предметы материальной культуры, начиная от железных ножей и наконечников копий и кончая глиняными горшками и деревянными ступами, пигмеи получали у земледельцев. Даже выделявая некоторые украшения самостоятельно, они часто копировали образцы, распространенные у соседей, под влиянием которых у них, например, возникла деревянная скульптура. Охотничьих собак пигмеи также получали извне. По примеру соседей они украшали тело рубцами, брили голову, выбивали передние зубы и т. д. Пигмеи усвоили и некоторые обычаи земледельцев. Так, брачный и похоронный обряды пигмеи часто проводили под руководством и по обычаям земледельцев. Все без исключения мальчики-пигмеи подвергались инициации вместе с детьми соседей также под контролем земледельцев. У последних пигмеи позаимствовали некоторые виды магической практики и ряд религиозных представлений. Охотники с луками эфе входили в одно тайное мужское общество вместе с земледельцами лезе. Кроме того, развитие формализованного обмена между ними и лезе привело у этой группы пигмеев к укреплению социальной организации, повышению роли вожаков и кое-где к формированию протоплеменной социально-потестарной организации.

Земледельцы заимствовали у пигмеев некоторые религиозные представления, например веру в «хозяина леса»³.

³ Turnbull C. M. The Mbuti Pygmies: an Ethnographic Survey. N. Y., 1965; *idem*. Wayward Servants, The Two Worlds of the African Pygmies. N. Y., 1965.

Вместе с тем, как отмечает К. Тернбулл, воспринимая чужие обычаи, и пигмеи, и их соседи придавали им свое собственное значение и часто настолько их видоизменяли, что их трудно было узнать⁴. Например, палка из изогнутой ветки дерева у земледельцев считалась магической защитой от воров, а пигмеи видели в ней символ присутствия духов на празднике. И земледельцы, и пигмеи полагали, что кровь опасна. Но первые видели в ней, особенно в менструальной крови, только вред и применяли различные магические приемы, чтобы избежать опасности. Для последних же кровь являлась и символом жизни. Столь различное отношение к крови было одной из причин того, почему половое созревание девушек воспринималось пигмеями и земледельцами совершенно по-разному. По-разному проводились и соответствующие церемонии.

При общей вере в «хозяина леса» пигмеи и земледельцы неодинаково относились к этому божеству. Пигмеи считали его своим покровителем, тогда как их соседи не ожидали от него ничего, кроме зла⁵.

Таким образом, при сохранении совершенно различных ценностных ориентаций заимствования не приводили к этническому слиянию двух рассматриваемых обществ. Напротив, этнические границы в этом случае стали более резкими. Пигмеи и земледельцы относились друг к другу с некоторым презрением, считая противоположную сторону людьми второго сорта или даже животными⁶. Однако это не мешало им интенсивно общаться. Наблюдалась даже межэтнические браки, хотя и односторонние: земледельцы иногда брали в жены пигмеек, причем дети от таких браков почти всегда оставались в общинах отцов, что некоторым образом сказывается сейчас на физическом облике и банту-бира и суданцев-лезе. Однако пигмеи-мужчины никогда не женились вне своей общины⁷.

Несмотря на отдельные случаи проявления враждебности, мбути никогда не вступали в какие бы то ни было кровавые столкновения с соседями. Это и понятно. Обитая бок о бок, обе стороны использовали разные ресурсы, вели хозяйство в разных природных условиях и никогда не пытались вторгаться в сферу деятельности друг друга.

Если у пигмеев-мбути сложились более или менее равноправные отношения с соседями-земледельцами, то у пигмеев-бинга такие отношения со временем сменились зависимостью от негритянского земледельческого населения. Привыкнув питаться продуктами земледелия, бинга ради их получения все более и более уступали требованиям соседей, стремившихся привлечь их к обработке своих полей. Это было одной из причин, по которой бинга постепенно сокращали свою охотничью и собирательную деятельность. Другая причина вызывалась, по-видимому, давлением земледельческого населения на окружающие ресурсы дикой природы, прогрессивно сокращавшиеся. Попадая в подчинение негров, бинга сменили свой образ жизни, отказались от прежней системы ценностей, а их традиционная социальная организация трансформировалась. В этих условиях кое-где они и сами начали переходить к земледелию⁸.

Сходные взаимоотношения в ряде районов встречались между охотниками и собирателями, бушменами, с одной стороны, и бантусскими земледельцами и скотоводами и скотоводами-готтентотами — с другой. Их основой служили обмен продуктами и иногда взаимопомощь. На той же базе какое-то время строились отношения бушменов с бурами в ранний период европейской колонизации. Бушмены поставляли своим соседям продукты охоты (мясо, шкуры) и некоторые изделия (бусы и т. д.),

⁴ Turnbull C. M. The Forest People. London, 1961, p. 167; *idem*. Wayward Servants ..., p. 63—81.

⁵ Turnbull C. M. The Forest People, p. 167—169; *idem*. The Mbuti..., p. 235—236.

⁶ Turnbull C. M. The Forest People, p. 161; *idem*. The Mbuti..., p. 185, 229.

⁷ Turnbull C. M. The Mbuti..., p. 161, 229.

⁸ Demesse L. Changements technoeconomiques et sociaux chez les Pygmées Babinga (Nord Congo et Sud Centrafrique). Paris, 1978.

получая от них за это металлические орудия и предметы быта, а также украшения. Судя по археологическим данным, такого рода контакты возникли в Южной Африке еще на рубеже нашей эры. В ряде случаев бушмены помогали своим соседям в выпасе и охране скота, а также в обработке земли и охране полей. Некоторые из групп бушменов уже давно познакомились с различными формами производящего хозяйства. Однако до недавнего времени у них не обнаруживалось желания самим заняться земледелием и скотоводством. Еще в начале XX в. большинство бушменов продолжало традиционный образ жизни, связанный с охотой и собирательством. Из домашних животных они стремились иметь только ослов и лошадей, использовавшихся ими для транспорта, и собак, служивших для охоты. Бушмены заимствовали их у соседей, но не разводили самостоятельно. Других животных (коз, овец и т. д.), полученных ими у соседей в качестве платы за помощь, они быстро съедали. Такая картина в течение длительного времени наблюдалась в тех районах, где иноэтничных земледельцев и скотоводов было мало и они не мешали бушменам в полной мере использовать ресурсы традиционной территории. До недавних пор это было характерно, например, для района Добе, где охотники и собиратели кунг свободно использовали свою территорию площадью 10 000 км², на которой соседи-скотоводы встречались лишь изредка. Будучи знакомы с земледелием, кунг порой и сами обрабатывали небольшие участки земли и собирали с них урожай. Это происходило в дождливые годы. Однако из-за больших колебаний в количестве осадков кунг никогда полностью не полагались на земледелие. Более надежными в этих условиях видами хозяйства они считали охоту и собирательство, служившие основой их традиционного образа жизни.

При наличии по соседству развивающегося производящего хозяйства, требующего от его носителей постоянного расширения территории, описанная ситуация не могла существовать бесконечно долго. Скотоводческое хозяйство не обладало способностью нормально функционировать без расширения площади пастбищ, которое происходило за счет исконных земель бушменов. Распространение скотоводства вело не только к сокращению территории обитания охотников-собирателей, но и к исчезновению необходимых для их пропитания животных и растительных ресурсов. Поэтому бушмены со временем все чаще угоняли скот у соседей. Начало этому было положено еще в I тысячелетии н. э. Так сложились условия для обострения отношений бушменов с соседями банту и готтентотами, возникновения между ними вооруженных конфликтов и оттеснения в результате части бушменов в маргинальные районы. Впрочем, и в этой обстановке происходил обмен культурными достижениями, а местами бушмены воспринимали язык соседей и ассимилировались с ними.

Описанные процессы создали фон, обусловивший кризис традиционного хозяйства бушменов, и стимулировали ломку старого образа жизни и переход к земледелию и скотоводству. Если в начале XX в. не менее 60% всех бушменов занимались главным образом охотой и собирательством, то к 70-м годам такие группы составляли всего лишь 5%. Следовательно, переход основной массы бушменов к производящему хозяйству совершился лишь в наше время. Вместе с тем и сейчас даже для наиболее трансформированных групп бушменов продукты охоты и собирательства продолжают играть важную роль в пищевом рационе⁹.

Фольклор сандаве (Центральная Танзания) также отразил стадию, когда они вели охотничье-собирательский образ жизни, обменивая полу-

⁹ Stow G. W. The Native Races of South Africa: a History of the Intrusion of the Hottentots and Bantu into the Hunting Grounds of the Bushmen, the Aborigines of the Country. London, 1905; Schapera I. The Khoisan Peoples of South Africa. London, 1930; The Oxford History of South Africa. V. I. Oxford, 1969, p. 63—71; Lee R. B. Introduction.— In: Kalahari Hunter-Gatherers. London, 1976, p. 5—20; Russell M. Slaves or Workers? Relations between Bushmen, Tswana and Boers in the Kalahari.— JSAF, 1976, v. 2, № 2, p. 179—193.

ценную продукцию с соседями-банту на зерно и железо. Эта картина, по-видимому, встречалась еще в XIX в.¹⁰ На примере сандаве хорошо прослеживается характер изменений в хозяйстве, социальной и духовной культуре в обществе охотников и собирателей в условиях усиления контактов с соседними земледельцами и скотоводами. Отправной точкой этой линии развития служила ситуация, весьма сходная с описанной выше у пигмеев. Однако у сандаве, со всех сторон окруженных все возрастающим населением банту и нилотов, ведущих земледельческо-скотоводческий образ жизни, не было тех широких возможностей для маневренности их традиционного хозяйства, какие отмечались у пигмеев-мбуги. Поэтому с течением времени сандаве все чаще страдали от периодических колебаний природной обстановки, время от времени вызывавших голодовки. Вместе с тем, имея устойчивые контакты с соседями, возникшие в условиях обмена, сандаве в полной мере использовали эти социальные связи для того, чтобы умерить неблагоприятные последствия периодических хозяйственных кризисов. Во время голода они находили убежище в общинах соседей, главным образом у туру и гого. Это способствовало возникновению еще более тесного культурного обмена и взаимным бракам. В этих условиях сандаве и начали переходить к земледелию и скотоводству, основные навыки которых они получили прежде всего от туру и в меньшей степени от гого. Большую роль в развитии у них скотоводческого уклада сыграли также полукочевники барабаиг (нилоты). Одна из их групп даже осела в районе обитания сандаве, ассимилировалась с ними, заимствовала их язык и уже в конце XIX в. считала себя сандаве. Таким образом, как отмечает Дж. Ньюмен, переход к производящему хозяйству начался здесь в условиях усилившихся голодовок, стимулировавших поиск новых средств существования. Такие средства были найдены в ходе упрочения межэтнических контактов и частичной ассимиляции, что способствовало заимствованию земледельческо-скотоводческой техники. При этом сандаве сохранили свое этническое самосознание¹¹.

Постепенность описанного процесса, отсутствие резкого разрыва с прежней культурной традицией обусловили специфику культурной динамики у сандаве, которым удалось сохранить многое из прежней системы ценностей. У них еще долго господствовали охота, собирательство и связанные с ними понятия и образ мышления. До сих пор в их фольклоре и мифологии доминируют охотничьи мотивы. Тот же характер сохраняет и ритуал. Так, главная цель инициации мальчиков заключается в обучении их охоте и песням, а культ предков служит прежде всего интересам охоты и собирательства. Подход к пищевому рациону у сандаве типичен для охотников и собирателей: они нетребовательны и отличаются большой неразборчивостью в питании. Заимствовав прямоугольную конструкцию жилища у земледельцев, сандаве сохранили и традиционную круглую охотничью хижину. До сих пор сандаве еще очень неопытны в земледелии и скотоводстве, не выработали они и сколько-нибудь строгих норм, связанных с этими направлениями хозяйства. Права собственности на скот и на землю остаются у них далеко не такими жесткими, как у их соседей. Они не заимствовали слепо у соседей и системы ценностей, характерной для скотоводов: скот у них не является главным показателем социального положения, многие уважаемые люди не имеют его вовсе. Мифология также не содержит скотоводческих образов. Не менее интересна и картина языковых заимствований. Земледельческие и скотоводческие термины сандаве в основном переняли у соседей: в то же время у них сохранились свои названия для диких растений и животных¹².

В настоящее время во многом сходные процессы наблюдаются у обитающих по соседству хадзапи, также интенсивно общающихся с сосед-

¹⁰ Newman J. L. The Ecological Basis for Subsistence Change among the Sandawe of Tanzania. Washington, 1970, p. 25.

¹¹ Newman J. L. Op. cit., p. 56.

¹² Newman J. L. Op. cit.

ними земледельцами и скотоводами (исанзу и др.). Хадзапи издавна снабжали своих соседей медом, целебными травами и другими продуктами леса, получая в обмен бусы, тыквенные и керамические сосуды, табак, одежду и железные изделия (топоры, ножи) или же просто куски железа, которые они сами обрабатывали способом холоднойковки. Иногда хадзапи выменивали у соседей и собак¹³.

Охотники-доробо в прошлом обитали на лесистых возвышенностях Кении и Северной Танзании. Уже в XIX в. они контактировали со скотоводами масаями, а с начала XX в. — с земледельцами и скотоводами нанди. Соседи вели свое хозяйство в иной природной обстановке, чем доробо, и поэтому не создавали трудностей для их традиционного образа жизни и не стесняли свободы их передвижения. Поэтому до недавнего времени доробо использовали не только лес, но и окружающие районы саванны. Контакты с соседями обуславливались прежде всего отношениями обмена: доробо поставляли им продукты леса (мясо, шкуры, мед), получая от них железные и керамические изделия, табак, одежду и т. д. Тесные социальные связи создали прочную основу для взаимного обмена различными культурными достижениями. Помимо уже указанных предметов материальной культуры доробо перенимали у нанди форму жилища. Сохранив свою древнюю раннеродовую организацию, они заимствовали у нанди родовые названия и, возможно, определенные виды тотемизма. По их примеру наравне с прежним родовым делением они ввели территориальное деление и связанную с ним потестарную организацию — советы отдельных районов. Кроме того, доробо восприняли у нанди систему возрастных классов, обычай обрезания, некоторые термины родства, многие религиозные представления. Наконец, они перешли на язык нанди.

Вместе с тем до недавнего времени доробо сохраняли многие традиционные обычаи, охотничье мировоззрение и связанную с ним систему ценностей. Заимствование происходило не слепо, а с определенным отбором: ряд новых культурных элементов служил им для улучшения условий традиционного образа жизни (например, железные орудия), другие — хорошо вписывались в местную социальную систему (родовые названия, термины родства). Украшения и женская одежда, полученные от нанди, воспринимались доробо как экзотические вещи, повышавшие престиж их владельцев. Система возрастных классов, служившая нанди во многом для военных целей, была использована миролюбивыми доробо в качестве нового механизма, укреплявшего социальную сеть.

Развитие у соседей производящего хозяйства со временем стало, по-видимому, затруднять традиционную хозяйственную деятельность доробо. Эта новая ситуация наряду с ростом территориальных притязаний колониальных держав в Восточной Африке была одним из факторов, заставивших местную администрацию установить более жесткие племенные границы, в результате чего доробо потеряли право выходить за пределы леса. Так сложилась основа для кризиса их традиционного хозяйства, а в поисках выхода из него они начали заимствовать у нанди земледелие и скотоводство. Переход к разведению домашних животных (коз и крупного рогатого скота) начался у доробо в 30-е годы, однако первоначально он не сопровождался выработкой у них скотоводческой системы ценностей и соответствующей ритуальной практики. Изменения в этих сферах культуры наступили позднее, когда скот начал ассоциироваться с богатством и приобрел важные социальные функции, например, стал служить брачным выкупом. Отход от прежнего образа жизни и культурное сближение с нанди вызвали резкое повышение числа межэтнических браков. С выработкой новых ценностных ориентаций у женщин доробо, прельщенных богатством нанди, появилось стремление к бракам именно с ними, тогда как мужчины доробо из-за возникшей не-

¹³ Woodburn J. C. The Future of the Tindiga.— Tanganyika Notes and Records, 1962, № 59, p. 269—272; *idem*. Hunters and Gatherers: the Material Culture of the Nomadic Hadza. London, 1970.

хватки потенциальных брачных партнеров также пытались жениться на девушках нанди¹⁴.

У охотников ик (тесо) переход к производящему хозяйству происходил в более драматической обстановке, чем у доробо. Еще в начале XX в. ик, как и некоторые другие соседние группы охотников и собирателей (ньянгеа и напоре), обитали в горах на широкой территории, лежащей на границе Уганды, Судана и Кении. В обстановке частых климатических колебаний, имея дело со стадами мигрирующих животных, эти охотники выработали сезонный хозяйственный цикл, основанный на значительной подвижности. Однако когда в конце 30-х годов между соседними странами были установлены более жесткие территориальные границы, а часть земель отошла в собственность национальных парков, охотники ик лишились своих лучших угодий, их традиционный хозяйственный цикл был деформирован и потребовал перестройки. Как отмечает К. Тернбулл, мир, искусственно суженный административными границами, потерял для них прежнюю привлекательность, ибо они были уже не вольны передвигаться по нему, руководствуясь лишь собственными интересами¹⁵. В этих условиях местные охотники начали переходить к производящему хозяйству, причем если таким группам, как ньянгеа и напоре, это удалось без большого труда, то ик встретились со значительными трудностями. Последнее, очевидно, вызывалось тесными отношениями их со скотоводами додос и туркана, совершавшими постоянные военные набеги, что вносило дестабилизирующий фактор в местную и без того достаточно сложную обстановку. Действительно, засушливый район обитания ик не был достаточно благоприятным для развития здесь примитивного земледелия. Засухи, происходившие раз в 4—5 лет, приводили к периодическим неурожаям и заставляли ик на время забрасывать земледелие и возвращаться к традиционному охотничье-собираческому хозяйству, которое вследствие потери важных пищевых угодий уже не было столь продуктивным, как прежде.

В достаточно урожайные годы ик также не могли сколько-нибудь полно использовать возможности земледелия, от которого их отвлекали соседи-скотоводы, втягивавшие их в сферу своей политики. Контакты со скотоводами, выражавшиеся в первую очередь в ритуальном дарообмене продуктов леса на скотоводческую продукцию, возникли у охотников рассматриваемого района уже давно и сохранились с переходом последних к земледелию (при этом вместо продуктов леса они начали поставлять соседям земледельческие продукты). Однако этой сферой контакты не ограничивались. Воинственные скотоводы стремились использовать ик в качестве лазутчиков, проводников, гонцов и прибегали к их помощи для сокрытия краденого скота. Все это отнимало у ик время и силы и отрывало их от хозяйственной деятельности. К тому же результату приводили постоянные набеги, препятствовавшие переходу ик к скотоводству. Дело в том, что, получая от соседей скот в качестве награды за помощь, ик тут же его съедали. Как гласит их поговорка, «одна корова в желудке лучше, чем десять в загоне». В этом проявлялось не только действие прежних охотничьих привычек, но и опасение перед грабительскими набегами со стороны соседей, не упускавших возможности напасть на тех ик, которые осмеливались завести стадо, с целью его захвата.

Издавна контактируя со скотоводами, ик постепенно заимствовали у них, в особенности у туркана, одежду, металлические изделия и некоторые другие предметы материальной культуры. Облик их поселков видоизменился, соединив в себе охотничьи, земледельческие и скотоводческие традиции. Дети ик помогали туркана в выпасе коз и с удовольствием имитировали скотоводческие игры. С переходом к земледелию у ик возникло гончарство. Однако прежние определенные привычки и цен-

¹⁴ Huntingford G. W. B. The Social Institutions of the Dorobo.— *Anthropos*, 1951. Bd 46, S. 1—48; *idem*. The Political Organization of the Dorobo.— *Anthropos*, 1954, Bd 49, S. 123—148.

¹⁵ Turnbull C. M. The Mountain People. N. Y., 1972, p. 259.

ностные ориентации сохранялись у них довольно долго. Они, например, так и не привыкли делать запасы, считая это пустой тратой времени. Ик не охраняли поля от зверей и птиц и не дожидались полного созревания культурных растений для их сбора, а независимо от степени их зрелости собирали урожай каждый день в количестве, необходимом для дневного пропитания. В этом, равно как и в нетребовательности к пище, проявлялись прежние охотничье-собираТЕЛЬские привычки. Интересно, что и после перехода к земледелию ик в оценке окружающего мира порой продолжали исходить из традиционной системы ценностей. Например, придавая большое значение способности быстро бегать, прямо связанной с подвижным образом жизни, ик насмехались над додос, носившими высокие прически, значительно осложнявшие бег.

Картина культурного обмена между охотниками-собираТЕЛЯМИ и соседними земледельцами зафиксирована не только в Африке, но и в Азии. Лучшее всего она описана на этнографических материалах Филиппин, где охотники, собиратели и рыболовы аэта контактировали с различными земледельческими этносами. Как и в случае с другими охотниками и собирателями, здесь имелась широкая социальная сеть, в орбиту которой были вовлечены самые отдаленные общины. Размеры этой сети были однако не безграничны, и аэта делились на ряд региональных групп с различными самоназваниями. Утратив свой исконный язык, каждая из таких групп говорит сейчас на языке обитающего по соседству с ней общества земледельцев¹⁶.

Одну из этих групп составляли аборигены залива Паланан на северо-востоке о. Лусон. Здесь примерно 800 охотников, собирателей и рыболовов, считавших себя аэта, граничили с различными этносами филиппинских земледельцев, которых они называли обобщенным термином «пути». Степень контактов их региональных групп с соседями-земледельцами была самой различной: от весьма тесных связей до почти полного игнорирования. Наиболее интенсивные контакты между ними отмечались на о. Лусон¹⁷. Охотники и земледельцы находились в отношениях партнерства и помогали друг другу в хозяйстве. Аэта доставляли своим «друзьям» мясо, рыбу, мед, строительные материалы, помогали им обрабатывать поля, служили гонцами и проводниками, а земледельцы снабжали их продуктами своего труда: рисом и другими видами растительной пищи. Как единодушно отмечают все исследователи, и аэта, и земледельцы в принципе могли бы обойтись без подобных контактов, однако это сделало бы их жизнь значительно сложнее. Поэтому здесь с давних пор установилась взаимовыгодная хозяйственная специализация. Общение облегчалось тем, что оба партнера обычно понимали языки друг друга, причем охотники часто знали по нескольку языков. Местами между аэта и земледельцами заключались браки.

Благодаря описанным контактам на о. Лусон установились благоприятные возможности для культурного обмена, однако охотники использовали их гораздо полнее, чем земледельцы. Заимствование имело выборочный характер и определялось своеобразными ценностными ориентациями, выработанными охотниками. Последние переняли у соседей прежде всего то, что могло бы способствовать интенсификации охоты: охотничьих собак и методы охоты с ними, а также с сетями и ловушками¹⁸. Кое-где под влиянием филиппинцев аэта в настоящее время начинают переходить к земледелию, однако этот процесс по ряду объективных причин совершается весьма медленно. Среди первых следует назвать прежде всего сложность соединения традиционных занятий охотой и собирательством, требующих частых перемещений с места на

¹⁶ Тихонов Д. И. Аэта Филиппинских островов.— В сб.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 147.

¹⁷ Garvan J. M. The Negritos of the Philippines. Horn — Wien, 1964; Nicolaisen J. The Negritos of Casiguran Bay. Problems of Affluency, Territoriality and Human Aggressiveness in Hunting Societies of Southeast Asia.— Folk, 1974/1975, v. 16—17, p. 401—434; Peterson J. T. The Ecology of Social Boundaries. Urbana, 1978.

¹⁸ Garvan J. M. Op. cit., p. 33, 69, 74.

место, с примитивным земледелием, дающим чрезвычайно малый урожай. Ко вторым относятся отсутствие у охотников привычки к длительному, изнуряющему земледельческому труду, наличие у них ценностных ориентаций (уравнительное распределение и пр.), препятствующих накоплению запасов и т. д.¹⁹ Вместе с тем, помогая соседям в обработке пашины, многие из них знакомятся с методами земледелия, и это помогает им самим переходить к разведению растений. Как отмечает Дж. Петерсон, определенную роль в этом играет и внешний фактор — давление со стороны соседнего земледельческого населения. Испытывая нехватку участков, обработанных и заброшенных аэта. В районе залива Паланан это затрагивает главным образом южную и северную области расселения последних, где в межэтнических отношениях отмечается некоторая напряженность и даже враждебность. Сокращение возможности маневрировать своими ресурсами порождает у местных носителей присваивающего хозяйства кризис, и они находят из него выход в усилении рыболовецкой деятельности, а не в переходе к земледелию. В южном и северном районах они жалуются, что пути отнимают у них необходимые для этого земли. Напротив, во внутреннем районе, удаленном от побережья, прямое давление земледельческого населения чувствуется гораздо меньше, однако его косвенные последствия, заключающиеся в уменьшении числа диких животных, ощущаются и там. Следовательно, и там возникает кризисная ситуация, выход из которой местные охотники, в отличие от своих прибрежных сородичей, видят в переходе к земледелию.

Это земледелие еще крайне примитивно. У аэта нет четкого представления о земельной собственности. Однако сам по себе переход к земледелию ведет к интенсификации культурного обмена с соседями. Культурный разрыв между партнерами сокращается; одновременно начинается сближение и по ценностным ориентациям²⁰. В этих условиях аэта все чаще строят свои жилища по типу земледельческих, начинают носить одежду, характерную для пути, заимствуют у них некоторые религиозные ритуалы и верования, связанные с земледелием и т. д. Важные структурные изменения происходят также в характере социальной сети и брачных отношениях. Если в условиях присваивающего хозяйства охотники стремились заключать браки в отдаленных общинах, тем самым максимально расширяя социальную сеть, то с переходом к земледелию дальние брачные связи начинают постепенно исчезать и социальная сеть сужается. Причиной тому служат рост значения земельных участков и изменения в отношениях собственности на землю²¹.

Противопоставляя себя пути как особое этническое единство, в прошлом аэта опирались прежде всего на понятия, выработанные в условиях бродячего образа жизни и закреплённые в этнических стереотипах²². Однако породившая их объективная основа с переходом к земледелию постепенно исчезает. Поэтому особый интерес представляют процессы, происходящие в последние годы в этническом самосознании аэта. К сожалению, они остаются неизученными.

Характерно, что, несмотря на возникновение в ряде мест некоторой напряженности, отношения аэта и пути развиваются в основном мирно.

В ряде других районов Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии также наблюдаются или наблюдались в прошлом регулярные контакты, установившиеся между земледельцами, с одной стороны, и охотниками, собирателями и рыболовами — с другой. В них были включены такие народы с присваивающим хозяйством, как, например, пунаны Саравака, кадары, ченчу и бирхоры Южной Индии, мрабри Таиланда, айны о. Хоккайдо и некоторые другие. Интересно, что во всех этих случаях, как и в

¹⁹ Ibidem, p. 76; Nicolaisen J. Op. cit., p. 404—405; Peterson J. T. Op. cit., p. 82—87.

²⁰ Peterson J. T. Op. cit., p. 110.

²¹ Ibidem, p. 46—57.

²² Ibidem, p. 82—87.

рассмотренных выше, этнические взаимоотношения были в основном мирными. Они устанавливались, как правило, на личностной основе и определялись партнерством, причем охотники видели в них один из способов расширения традиционной социальной сети. Несмотря на то, что оба партнера в принципе могли удовлетворять свои непосредственные хозяйственные нужды самостоятельно, не прибегая к обмену с соседями, они приветствовали и активно поощряли такой обмен. Здесь вступал в силу не столько тактический, сколько стратегический расчет, на котором и основывалась первобытная социальная сеть, позволявшая людям гарантировать себя от негативных последствий хозяйственных и социальных кризисов, а также находить выход из неблагоприятной демографической ситуации.

В условиях контактов охотники заимствовали у земледельцев прежде всего то, что повышало эффективность их традиционного присваивающего хозяйства. Дж. Николайсен пишет, например, о целой революции, которую произвело в хозяйстве пуанов появление у них лодок, железных орудий, собак и корзин²³. Судя по рассмотренным выше материалам, охотники вообще заимствовали собак с гораздо большей готовностью, чем других домашних животных. Однако, используя их на охоте и часто превосходя в этом своих учителей-соседей, охотники, как правило, не умели их разводить и продолжали заимствовать их у земледельцев. Вот почему само по себе появление собак у охотников не может считаться той основой, на которой будто бы автоматически возникает скотоводство. Айны о. Хоккайдо начали разводить собак лишь с развитием у них оседлого образа жизни на основе рыболовства и земледелия²⁴.

Ченчу и кадары занялись выращиванием домашних животных (буйволов, коров, коз) сравнительно недавно в условиях усиленных контактов с земледельцами и роста товарности хозяйства, ибо сами они домашних животных не ели, а использовали продукты скотоводства для развития товарно-денежных отношений²⁵.

Таким образом, вступая в контакт с земледельцами и скотоводами и знакомясь с их культурой, охотники и собиратели начинали добровольно заимствовать у них те орудия и приспособления, которые могли повысить эффект их традиционного хозяйства. Вторым стимулом к заимствованию было стремление облегчить свою жизнь, упростив способы добычи пищи. Дело в том, что, хотя дикая природа и обладала всем необходимым для нормального функционирования обществ охотников и собирателей, добыча пищи требовала от них постоянных переходов с места на место, постоянных поисков все новых источников питания. Наличие по соседству более стабильных пищевых ресурсов, связанных с производящим хозяйством, вызывало у охотников и собирателей соблазн воспользоваться ими²⁶. Это было одной из причин набегов охотников на поля поселившихся поблизости земледельцев при отсутствии налаженной системы обмена между ними²⁷.

Л. Демесс описывает подобную ситуацию, возникшую в лесах Конго, куда одна из земледельческих групп отступила после поражения, нанесенного ей врагами. На первых порах обитавшие там пигмеи-бинга относились к пришельцам с опаской и уважением. Позже, освоившись в новой обстановке, они начали нападать на участки и поселки земледельцев с целью захвата земледельческой продукции (маниока и т. д.)

²³ Nicolaisen J. The Penan of Sarawak. Further Notes on the Neoevolutionary Concept of Hunters.—Folk, 1976, v. 18, p. 210—212.

²⁴ Takakura Sh. The Ainu of Northern Japan: a Study in Conquest and Acculturation.—Transactions of the American Philosophical Society, 1960, v. 50, pt. 4, p. 13—14; E. Ohnuki-Tierney. Another Look at the Ainu — a Preliminary Report.—Arctic Anthropology, 1971, v. 11, Supplement, p. 191.

²⁵ Fürer-Haimendorf, C. von. The Chenchus. London, 1943 p. 73—75; Ehrenfels U. Kadar of Cochin. Madras, 1952, p. 44.

²⁶ Demesse L. Op. cit., p. 127—128.

²⁷ Turnbull C. Wayward Servants, p. 38; Demesse L. Op. cit., p. 136—140.

и других «экзотических» элементов культуры земледельцев. Возникшие в результате вооруженные стычки вызывали кровопролития, и в конечном итоге по взаимному согласию сторон они сменились мирным обменом, в котором были заинтересованы оба контактировавших этноса.

Установление отношений обмена между двумя принципиально различными типами обществ требовало выработки определенных механизмов, способствовавших развитию взаимопонимания их членов. В этих условиях заимствования в самых разных сферах культуры были неизбежны. Интересно, что повсюду охотники и собиратели оказывались лучше знакомыми с культурой своих более развитых соседей, чем те с их культурой. Очевидно, одной из причин этого являлись такие важные особенности обществ охотников и собирателей, как значительная гибкость и высокая степень открытости социальной структуры и наличие широкой сети социальных связей. Все это расширяло их кругозор и облегчало им задачу культурных заимствований. Поэтому они оказались весьма восприимчивыми к новым веяниям, идущим из земледельческо-скотоводческого мира, в отличие от земледельцев, живших более обособленно и в меньшей степени склонных заимствовать чужие культурные достижения. Кроме того, определенную роль сыграл, конечно, и более высокий уровень культурного развития земледельцев и скотоводов, предлагавших охотникам и собирателям массу невиданных ранее соблазнов.

Так как обмен в первобытном обществе мог происходить лишь в системе родственных отношений, охотники и собиратели воспринимали у соседей некоторые такие детали их социальной культуры, как родовые названия, термины родства, система возрастных классов. Они начинали участвовать в деятельности их тайных обществ и совместно с ними совершали некоторые родовые обряды и ритуалы, заимствовав соответствующие религиозные представления. Частично эти заимствования происходили по инициативе самих охотников и собирателей, а частично — под давлением со стороны соседей, стремившихся прочнее привязать их к себе. Во имя последней цели земледельцы стремились брать жен из обществ охотников и собирателей, считая, что, установив с ними родство, они укрепят необходимые им социальные связи. Для улучшения условий контактов охотники и собиратели нередко переходили на язык соседей. Наконец, потребности межэтнического общения привели у них к совершенствованию системы власти, а в ряде случаев роль вожаков, ведавших взаимоотношениями с соседями, повысилась.

Вызванные к жизни внешними стимулами, описанные механизмы порой обслуживали лишь сферу межэтнических контактов и не интегрировались сколько-нибудь глубоко в культуру охотников и собирателей. Лучше всего это описано на примере инициаций у пигмеев-мбути, которые для получения статуса «взрослых людей» в обществе соседей-земледельцев позволяли последним подвергать обрезанию своих сыновей. Однако для самих пигмеев этот обряд земледельцев не имел никакого значения. По их понятиям, вне зависимости от участия в этой церемонии, мальчик становился взрослым, лишь принеся с охоты убитого им самим зверя. Вообще социальные механизмы и социальная организация оказывались одними из самых консервативных сфер культурной системы. Полученный на рассмотренных материалах, этот вывод полностью согласуется с тем, к которому пришли авторы коллективной монографии «Первобытная периферия...»²⁸.

Наконец, охотники и собиратели заимствовали у соседей украшения, одежду, прически и ряд других «экзотических» элементов культуры для повышения престижа.

Земледельцы иногда перенимали у них некоторые религиозные воззрения, например связанные с промысловым культом.

В любом случае заимствованные культурные элементы воспринимались с точки зрения традиционных представлений и в ходе интеграции в

²⁸ Первобытная периферия..., с. 254, 258.

новую культурную среду, как правило, изменяли свое значение или функцию. М. Херсковиц в свое время назвал это явление «реинтерпретацией»²⁹.

Переход к земледелию осуществлялся у охотников и собирателей несравненно сложнее, чем заимствование многих других культурных элементов, так как он требовал коренной ломки старого образа жизни, смены прежней системы ценностей и овладения методами совершенно иной хозяйственной системы. В этом отношении весьма показательным отношением к заимствованию земледелия со стороны традиционно настроенных аэта. Они считают свой образ жизни предпочтительнее земледельческого, так как земледелие отнимает слишком много времени и труда, привязывает к постоянному обитанию на одном месте, урожай имеет сезонный характер и требует защиты от многочисленных диких животных, птиц и насекомых. Кроме того, определенное значение имеет отождествление этноса с определенными культурой и образом жизни: аэта видят свое основное отличие от соседних земледельцев в бродячем образе жизни и стремятся сохранить его во имя этнической автономии. Поэтому интересы земледелия отступают у них на второй план по отношению к интересам охоты и собирательства, и они покидают поля накануне сбора урожая, оставляя его гнить. То же встречалось и у ряда других охотников и собирателей, например, у пунанов и пигмеев³⁰.

Мелким общинам охотников и собирателей было трудно переходить к земледелию и потому, что примитивное земледелие не могло снабдить их всем необходимым для жизни, а рабочих рук в общине не хватало для того, чтобы успешно совмещать занятия земледелием с охотой и собирательством. В этих условиях источники пищи, находившиеся вблизи огородов, быстро истощались, а использование иных, более отдаленных ресурсов вступало в противоречие с земледельческой тенденцией к оседлости. Поэтому некоторые негритосы (семанги) Малаккского п-ова, попытавшись заняться земледелием, вскоре отказались от него³¹.

Хозяйственная система у охотников и собирателей была более гибкой и подвижной, чем у земледельцев, и давала им более разнообразное и сбалансированное питание. Поэтому во многих случаях контакты охотников и собирателей с земледельцами не влекли автоматического возникновения у первых земледелия, хотя они и были знакомы с ним, получая от соседей его продукцию и помогая им обрабатывать поля. Ведь одно только стремление к более оседлой жизни, отмечавшееся у многих охотников и собирателей, не являлось достаточно серьезным стимулом, способным на чаще весов перевесить те трудности, которые неизбежно возникали у них в связи с переходом к производящему хозяйству. Переход к земледелию в контактной ситуации происходил, как правило, тогда, когда он становился насущной потребностью, т. е. в условиях кризиса прежней системы хозяйства.

Интересно, что переход к возделыванию клубнеплодов, требовавших меньшей заботы и менее регулярного труда, являлся для населения с присваивающим хозяйством более легким, чем переход к рисоводству и, видимо, вообще к возделыванию культурных злаков. Выращивание клубнеплодов позволяло в значительной мере сохранить привычный образ жизни и не приводило к резкому отказу от прежней культурной традиции³². Поэтому в ряде районов прослеживалась постепенная эволюция от охотничье-собирательского хозяйства к выращиванию таро и ямса, а затем — путем медленных плавных переходов — к становлению более интенсивного земледелия, связанного уже с выращиванием злаков.

²⁹ *Herskovits M. J. Man and his Work. N. Y., 1949, p. 553.*

³⁰ *Garvan J. M. Op. cit., p. 76; Nicolaisen J. The Negritos..., p. 422, 423; Ichikawa M. The Residential Groups of the Mbuti Pygmies.— Senri Ethnological Studies, 1978, № 1, p. 135.*

³¹ *Carey I. Orang Asli. The Aboriginal Tribes of Peninsular Malaysia. Kuala Lumpur, 1976, p. 77, 78.*

³² См., например: *Nicolaisen J. The Negritos..., p. 422—424; Carey I. Op. cit., p. 77.*

Именно этим путем шло развитие земледелия у сеноев Малаккского п-ова³³, айнов о. Хоккайдо³⁴ и некоторых других народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

В определенной ситуации охотникам было легче заимствовать домашних животных, чем переходить к земледелию. В первую очередь это касалось охотничьих и транспортных животных, которые безболезненно интегрировались в охотничью культурную систему, так как, с одной стороны, они не требовали большого ухода, а с другой — улучшали возможности ведения традиционного хозяйства³⁵. Однако с развитием товарно-денежных отношений в обстановке тесных контактов с земледельцами охотники могли заимствовать и других животных с целью использования скотоводческой продукции для расширения рыночных связей. Это отмечалось, например, у ченчу и кадаров, которые в небольшом количестве начали разводить коров, буйволов и коз. Такое скотоводство составляло незначительный уклад в общей хозяйственной системе, велось крайне примитивными экстенсивными способами и не противоречило основным принципам традиционного охотничье-собирающего образа жизни. И ченчу, и кадары сами не потребляли продуктов своего скотоводства, а полностью их продавали³⁶. В подобного рода случаях следует говорить, по-видимому, лишь о развитии определенных скотоводческих элементов, а не о сложении скотоводческой системы хозяйства.

Заимствование скота и скотоводческих навыков отличается от заимствования земледелия еще и тем, что первое может происходить в условиях враждебных отношений, а второе, очевидно, требует исключительно мирных контактов. Известно множество случаев, когда охотники отбивали скот у скотоводов и начинали использовать его в интересах своего хозяйства в обстановке бесконечных военных набегов и столкновений (индейцы Америки, чукчи и др.). Однако для перехода к земледелию, невозможного без относительной оседлости и регулярного тяжелого труда, была необходима более стабильная ситуация.

Переход к земледелию требовал от охотников изменения прежних представлений и отношений между людьми. Прежде всего это касалось отношений собственности, которые неизбежно должны были трансформироваться, хотя и далеко не сразу. Если в отношении к собственности у охотников доминировал уравнилельный принцип, то у земледельцев происходило становление частной собственности: коллективизм у них постепенно все более сменялся индивидуализмом³⁷. Это имело прямые последствия для развития земледелия. Если опытные земледельцы создавали запасы пищи, заботились о будущем, вели сложные расчеты, то охотники, недавно перешедшие к земледелию, в силу своих прежних понятий выказывали к нему иное отношение. Так, у аэта после сбора урожая в одной общине собирались многочисленные родственники, соседи и друзья и устраивали расточительный пир, в результате чего через месяц здесь оставался запас, едва хватавший для новой посадки³⁸. Охотники, обладавшие крайне бедной материальной культурой, не придавали большого значения материальным ценностям и не понимали стремления земледельцев копить богатство³⁹. Поэтому даже после перехода к земледелию материальные ценности, в частности скот, далеко не сразу получили у них то высокое социальное значение, которое они имели у соседей-земледельцев. Например, у ченчу скот еще не являлся главным символом богатства, не использовался непосредственно в брачной церемонии, в выплате штрафов, не связывался ни с какими религи-

³³ Dentan R. K. The Semai. A Nonviolent People of Malaya. N. Y., 1968, p. 46—47.

³⁴ Hilger M. I. Together with the Ainu. A Vanishing People. Oklahoma, 1971, p. 35—37.

³⁵ Подробно см. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980.

³⁶ Furer-Haimendorf C. von. Op. cit.; Ehrenfels U. Op. cit.

³⁷ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. — В сб.: Становление классов и государства. М., 1976.

³⁸ Garvan J. M. Op. cit., p. 77, 78; Peterson J. T. Op. cit., p. 83—85.

³⁹ Peterson J. T. Op. cit., p. 82, 83.

озными и социально-престижными ритуалами, хотя его появление и привело к некоторым изменениям в системе собственности⁴⁰. В лидеру ченчу выбирали авторитетного, заслуженного человека, а вовсе не того, кто имел много скота⁴¹. Выше похожая картина уже отмечалась у сандаве.

Даже после перехода к производящему хозяйству у бывших охотников и собирателей долгое время отмечалось прежнее неразборчивое отношение к питанию, в котором весьма заметное место продолжало принадлежать продуктам охоты и собирательства. Охотничьи сюжеты сохраняли свою большую роль в их фольклоре и мифологии. Целью инициаций еще долго оставалась подготовка мальчиков к жизни взрослых охотников.

Со временем такие группы начали сближаться с соседними земледельцами и скотоводами по культуре и ценностным ориентациям. Определенной модификации подвергалось и их этническое самосознание. Если до перехода к производящему хозяйству они противопоставляли себя более развитым соседям, прежде всего делая упор на образ жизни и окружающую природную среду, то в новой обстановке на первый план выступили второстепенные детали культуры, которые ранее не имели существенного значения: манера держаться, походка, прическа и т. д.

Рост продуктивности хозяйства и усложнение социальной структуры могли и у охотников породить изменения в традиционном отношении к богатству. В условиях неземледельческого пути развития это происходило у некоторых групп айнов, подвергавшихся сильному влиянию со стороны японцев, с которыми у них установились весьма тесные отношения обмена. Получая от японцев собак, железные орудия, крепкие рыболовецкие сети и т. д., айны существенно повысили эффективность своего хозяйства в основном за счет усиленного развития рыболовства. В обстановке развития товарно-денежных отношений рост прибавочного продукта породил у них социальное расслоение, которое уже не вязалось с прежней системой ценностей, основанной на равенстве и коллективизме. Японские вещи (парча, драгоценные камни, украшения, мечи и т. д.) начали служить символом богатства, товарным эквивалентом, выкупом за невесту, платой за кровь, т. е. получили социально-престижное значение. Параллельно шел процесс возвышения руководителей отдельных поселков, упрочения их могущества и расслоение прежде единой этнической культуры⁴². Сходная картина наблюдалась и у других народов в подобной ситуации, например у народов Сибири в условиях развития торговых контактов с русскими в ранний период.

Таким образом, с одной стороны, переход к земледелию далеко не сразу вел к существенным структурным изменениям в социальной системе, а с другой — такие изменения могли возникнуть и, видимо, нередко возникали в условиях высокоразвитого присваивающего хозяйства, т. е. в обществах высших охотников, собирателей и рыболовов.

⁴⁰ *Fürer-Haimendorf C. von.* Op. cit., p. 164—165.

⁴¹ *Ibidem.*, p. 119—122.

⁴² *Takakura Sh.* Op. cit., p. 13—19.